Научная статья / Original article

УДК 336.744

JEL E52 E65 F33

BY-NC 4.0

ВАК 5.2.4

EDN XNCKUI

Мариничев Д. Н.

Цифровые эквиваленты в расчётах БРИКС и модель внешнего клиринга на базе RUBIT

Мариничев Дмитрий Николаевич
Агентство Стратегических Инициатив (АСИ) (Москва, Россия), советник генерального директора
dn.marinichev@asi.ru
https://orcid.org/0009-0006-1312-4119
SPIN 6727-3956

Dmitry N. Marinichev
Agency for Strategic Initiatives (ASI) (Moscow, Russia), Advisor to the General Director
dn.marinichev@asi.ru
https://orcid.org/0009-0006-1312-4119
SPIN 6727-3956

Аннотация. *В статье исследуется возможность использования цифровых эквивалентов национальных валют в расчётах между странами БРИКС как альтернативы прямой дедолларизации через создание единой общей валюты. Показано, что попытки заменить доллар новой наднациональной единицей не снимают структурные проблемы зависимости от единого центра эмиссии и инфраструктуры. Предлагается иной подход, в котором каждая страна сохраняет денежный суверенитет, а расчёт осуществляется через сетевые цифровые эквиваленты, номинированные в национальных валютах и обеспеченные их резервами. В центре анализа находится модель RUBIT, реализуемая на базе Международного потребительского кооператива «РУБИТ» и системы СЭВ-ЦЭ как цифрового наследника принципов переводного рубля. Статья сопоставляет предложенную модель с историческими и современными примерами многостороннего клиринга, такими как Азиатский клиринговый союз и проект mBridge, а также с текущими дискуссиями о коллективной валюте БРИКС и линией евроазиатской интеграции. Делается вывод, что цифровые эквиваленты в формате кооперативных расчётных систем могут стать практическим инструментом снижения долларозависимости и развития справедливой энергетической и торговой бухгалтерии между участниками, не разрушая при этом основные механизмы существующей мировой финансовой системы.*

Ключевые слова: *БРИКС, цифровой эквивалент, RUBIT, многосторонний клиринг, внешние расчёты, доллар, цифровые валюты, доверие, кооперативные платформы, открытый банкинг*

Для цитирования: Мариничев Д. Н. Цифровые эквиваленты в расчётах БРИКС и модель внешнего клиринга на базе RUBIT // Экономическая среда. – 2026. – Т. 15, № 2. – С. 135-142. – EDN XNCKUI.

Abstract. *The article explores the possibility of using digital equivalents of national currencies in settlements between the BRICS countries as an alternative of direct de-dollarization through creation of unified common currency. It is shown that attempts to replace dollar with new supranational unit do not eliminate the structural problems of dependence on unified emission center and infrastructure. A different approach is proposed, in which each country retains monetary sovereignty, and settlement is carried out through online digital equivalents dnominated in national currencies and backed by their reserves. The analysis focuses on the RUBIT model, implemented on the basis of RUBIT International Consumer Cooperative and COMECON-CE system as a digital heir of the principles of transferable ruble. The article compares the suggested model with historical and modern examples of multilateral clearing, such as Asian Clearing Union and mBridge project, and with current discussions about BRICS collective currency and Euro-Asian integration line. It is concluded that digital equivalents in the format of cooperative settlement systems can become practical tool for reducing dollar dependence and developing fair energy and trade accounting between the participants, without destroying the basic mechanisms of the existing global financial system.*

Keywords: *BRICS, digital equivalent, hack, multilateral clearing, external settlements, dollar, digital currencies, trust, cooperative platforms, open banking*

For citation: Marinichev D.N. Digital Equivalents in BRICS Settlements and External Clearing Model Based on RUBIT. *Economic Environment*, 2026, vol. 15, no. 2, pp. 135-142. (In Russ.). Available from: https://elibrary.ru/XNCKUI.

Введение

Дискуссия о «дедолларизации» в мировой финансовой науке набирает силу уже не первый год. Доля доллара в международных резервах постепенно снижается, но остаётся доминирующей, поскольку его вес в платежах по-прежнему значителен. По данным Федераль-

© Мариничев Д. Н., 2026

ной резервной системы США и системы SWIFT, на долю доллара приходится около половины всех международных платежей, а если учитывать расчёты внутри еврозоны, то доля доллара и евро вместе достигает примерно 60 процентов мирового оборота [1]. В глобальном валютном обмене доллар выступает стороной примерно в 88 процентах сделок [2; 3].

Для стран БРИКС проблема дедолларизации приобретает особое значение. С одной стороны, они заинтересованы в снижении зависимости от американской валюты, особенно на фоне нарастающих санкционных рисков и политической неопределённости. С другой стороны, внутренние различия между членами объединения по экономической структуре, политическим системам и внешнеполитическим ориентирам крайне велики [4; 5].

Попытки представить БРИКС как блок, который «вот-вот создаст единую валюту, которая сбросит доллар с пьедестала», выглядят эффектно в медийном пространстве, но мало что говорят о реальных механизмах. Экспертный анализ показывает, что даже внутри самого блока нет консенсуса по поводу курса на радикальную дедолларизацию [6]. Многие сделки между странами БРИКС уже сегодня идут в национальных валютах, и их доля, по оценкам, достигла примерно 60–65 процентов в двусторонней торговле [6]. Но это не отменяет того факта, что базовые цены на ключевые ресурсы (нефть, металлы) и многие другие товары попрежнему выражены в долларах, а значительная часть финансовых контрактов привязана к долларовой ликвидности.

В данном исследовании предпринимается попытка поставить вопрос о фундаментальной логике международных расчётов в реальной и цифровой экономике. Если деньги – это запись о доверии и обязательстве, а доллар сегодня – глобальная «доверительная память» торговли и финансов, то сама идея о возможности простого «выключения» доллара и замены его другой валютой (уже существующей или новой) выглядит наивно-утопической.

Целью автора является не изучение проблемы введения новой валюты для внутренних расчетов между странами БРИКС, а поиск ответа на вопрос: «Можно ли, в принципе, изменить способ записи и сверки доверия между странами, не создавая нового центра доминирования и не разрушая существующую систему?».

Материалы и методы

Чтобы понять, что могут дать цифровые эквиваленты, автор обратился к теории международных денег и клиринга. Джон Мейнард Кейнс в своём проекте Международного клирингового союза и «банкора» предлагал создать наднациональную расчётную единицу, которая не была бы валютой какого-то конкретного государства. Идея заключалась в том, чтобы выровнять дисбалансы между странами и сделать так, чтобы бремя корректировки лежало и на должниках, и на кредиторах. В действительности была выбрана другая модель: доллар США стал де-факто мировой резервной валютой, а международная система получила асимметрию, когда одна страна может финансировать свои дефициты, опираясь на спрос других на её валюту [7; 8].

После Бреттон-Вудской системы возникали и другие попытки многостороннего клиринга. Азиатский клиринговый союз (ACU)[1] стал важным примером регионального механизма, в котором центральные банки стран-участников сводят взаимные требования и обязательства, сокращая потребность в двусторонних расчётах и уменьшая транзакционные издержки. Внутри союза использовалась единица учёта, позволяющая записать «чистую позицию» без немедленного движения валютных резервов.

В последние годы аналогичную роль пробуют взять на себя мультивалютные платформы на базе цифровых валют центральных банков. Проект mBridge, запущенный при участии Китая, Таиланда, ОАЭ, Гонконга и Банка международных расчётов, демонстрирует возможность создавать общие сети для расчётов в цифровых валютах центральных банков разных юрисдикций. В пилотных проектах на платформе mBridge в 2022–2024 годах было проведено более 160 реальных транзакций на сумму свыше 20 млн долларов, а в 2024 году проект

[1] Asian Clearing Union. Experiences/Innovations on Cross-Border e-Payments. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/ACU_latest%20PPT.pdf.

достиг стадии минимально жизнеспособного продукта с участием уже пяти центральных банков[1].

Все эти примеры показывают, что многосторонний клиринг и общие системы учёта не являются экзотикой. Они возникают там, где есть потребность в снижении издержек, повышении устойчивости и уменьшении зависимости от одного центра.

Исторический опыт переводного рубля показывает, как наднациональная единица, опирающаяся на коллективное доверие, может работать в условиях плановой экономики [9; 10; 11; 12; 13]. Современные проекты на базе цифровых технологий добавляют к традиционному набору финансовых инструментов децентрализованные платежные системы, построенные на принципах открытого учёта, автоматизации и программируемости [14; 15; 16; 17].

Результаты и обсуждение

Проблематика расчётов в БРИКС и пределы модели «единой валюты»

Страны БРИКС уже давно заявляют о намерении усиливать использование национальных валют в двусторонней и многосторонней торговле. Оценки показывают, что доля доллара во взаимных расчётах снижается, но остаётся высокой в операциях, связанных с глобальными рынками и цепочками поставок [6].

В экспертных и политических дискуссиях регулярно всплывает идея «валюты БРИКС», говорят о расчётной единице, обеспеченной корзиной валют, о возможной привязке к золоту, о создании общего клирингового центра. В 2025 году на саммитах БРИКС[2] и сопутствующих форумах[3] эта тема вновь получила внимание, однако консенсус по поводу параметров такой валюты так и не был достигнут[4].

Причин несколько:

– страны имеют разные представления о желаемой степени интеграции;

– часть участников опасается усиления позиций одной из стран за счёт других;

– уровень доверия между отдельными участниками неоднороден, что проявляется в периодических пограничных и торговых конфликтах;

– политические режимы и подходы к финансовому регулированию сильно различаются.

Отсюда следует важный вывод: идея единой валюты не решает базовую проблему, если за ней не стоит согласованный и устойчивый порядок распределения доверия, ответственности и риска. Создание «нового доллара» без изменения логики его использования приведёт к тем же асимметриям, только с другим флагом.

В этих условиях более интересным выглядит подход, в котором на первый план выходит не единая валюта, а единая логика взаимного учёта, то есть переход от борьбы за один символ к созданию системы, в которой могут взаимодействовать разные денежные единицы.

Понятие цифрового эквивалента в международных расчётах

Цифровой эквивалент в данной работе понимается как цифровое имущественное право, номинированное в национальной валюте, но оборотоспособное в международном пространстве. В отличие от классического стейблкоина, который нередко позиционируется как «цифровой доллар для всего мира», цифровой эквивалент строится вокруг идеи ограниченного назначения и прозрачной связи с национальным правом и банковской системой.

Ключевые свойства такого эквивалента:

1. Номинал в национальной валюте. Например, RUBIT номинируется в рублях, CNYIT – в юанях, INRIT – в рупиях. Это сохраняет связь с ценовой и монетарной политикой

[1] Project mBridge: Connecting economies through CBDC / Bank for International Settlements, 2022. – URL: https://www.bis.org/publ/othp59.pdf.

[2] 17th BRICS Summit Rio de Janeiro Declaration 2025 // BRICS, 2025. – URL: https://bricsthinktanks-council.org/knowledge-base/17th-brics-summit-rio-de-janeiro-declaration-2025/.

[3] BRICS Think Tank Council (BTTC) and BRICS Academic Forum (FABRICS) // BRICS, 2025. – URL: https://brics.br/en/brics-p2p/brics-think-tank-council-bttc-and-brics-academic-forum-fabrics.

[4] BTTC - Recommendations to the BRICS Leaders 2025 // BRICS, 2025. – URL: https://brics.br/pt-br/documentos/people-to-people-p2p/bttc-recommendations-to-the-brics-leaders-2025.pdf.

страны-эмитента.

2. Полное денежное обеспечение. Каждый цифровой эквивалент обеспечен 1 к 1 базовой валютой на счёте в банке, что делает его не источником новой эмиссии, а формой учёта существующей ликвидности.

3. Ограниченная область применения. Эквивалент предназначен преимущественно для внешних и межсистемных расчётов. Внутри страны базовой единицей по-прежнему является национальная валюта, включая её цифровую форму.

4. Прозрачность учётной модели. Выпуск, движение и погашение эквивалента подлежат публичной или квазипубличной проверке. Здесь используются механизмы открытого реестра, аудита, формализованных балансовых формул.

5. Разделение ролей. Эмиссия эквивалента в международном контуре может осуществляться не самим центральным банком, а специально созданными структурами (например, кооперативами), действующими под надзором и в интересах участников.

Такой подход позволяет рассматривать эквивалент не как «параллельную валюту», а как слой между национальными системами, который выполняет роль адаптера. В сущности, это форма цифрового клирингового инструмента, который перепрошивает старые логики расчёта на новый технологический лад.

Модель RUBIT как пример цифрового эквивалента рубля: сопоставление с историческими и современными решениями

RUBIT – это цифровое имущественное право, связанное с российским рублём в пропорции 1 к 1. В основе лежит простое правило: каждый RUBIT обеспечен рублём, размещённым на счёте Международного потребительского кооператива «РУБИТ» в банке.

Юридически RUBIT не является деньгами, не подпадает под определение «цифровая валюта» в российском праве и не используется как законное средство платежа на территории Российской Федерации. Он задуман как инструмент международного клиринга, который позволяет участникам в БРИКС и в других партнёрских странах оперировать рублёвой стоимостью, не заходя в российскую платёжную систему и не вступая в прямое отношение с санкционными рисками.

Особенности модели RUBIT можно описать следующим образом:

– Разделение контуров. Все операции в рублях осуществляются внутри российской банковской системы. RUBIT возникает только там, где рубль выходит во внешний контур и должен «дожить» до момента, когда его снова конвертируют в национальную валюту контрагента или вернут в РФ.

– Публичная проверяемость. В Уставе МПК «РУБИТ» предусмотрена формула баланса, по которой общий объем RUBIT в обращении равен разнице между суммой эмиссии и суммой погашения и в каждый момент времени совпадает с рублёвым остатком на расчётном счёте общества. Это превращает клиринг в прозрачный процесс, который можно проверить, не опираясь только на заявления оператора.

– Кооперативная субъектность. Эмитентом и оператором системы является не коммерческий банк и не государственный орган, а Международный потребительский кооператив, объединяющий юридических и физических лиц. Это задаёт иной тип ответственности: оператор подотчётен своим участникам, а не анонимным акционерам.

Для России RUBIT один из возможных ответов на вызов цифровой эпохи. Он позволяет задействовать рубль в международных расчётах шире, чем это допускает существующий санкционный и регуляторный контур, и одновременно не разрушает внутреннюю логическую структуру национальной финансовой системы.

Цифровой эквивалент на базе RUBIT можно сравнить с несколькими типами существующих и исторических механизмов.

1. Переводной рубль (ТР), функционировавший в системе СЭВ, был коллективной счётной единицей, в которой вёлся учёт взаимных обязательств стран. Он не имел прямого обеспечения в золоте или долларах, хотя формально был привязан к определённому количеству золота и существовал как запись в балансе МБЭС.

RUBIT, в отличие от TP, имеет жёсткое денежное обеспечение, не претендует на роль наднациональной валюты и изначально проектируется как цифровое имущественное право, встроенное в правовую систему РФ.

2. Азиатский клиринговый союз (ACU) представляет собой систему многостороннего зачёта между центральными банками стран-участников. Используется единая счётная единица, расчёты сверяются с определённой периодичностью, а реальные валютные потоки минимизируются [6].

RUBIT в сочетании с СЭВ-ЦЭ по сути адаптирует эту логику к периоду цифровых технологий. Разница в том, что в систему встраиваются не только государственные, но и кооперативные и частные участники, а сами расчёты фиксируются не только в ведомственных балансах, но и в открытом или полуоткрытом реестре.

3. mBridge, иные multi- и CBDC-платформы показывают, как несколько центральных банков могут использовать общую цифровую платформу, чтобы проводить расчёты в своих ЦВЦБ без посредников и с минимальными задержками.

Предлагаемая модель RUBIT может быть встроена в такие платформы как дополнительный слой. Например, рублёвый эквивалент, обращающийся в БРИКС, может быть представлен на multi- и CBDC-платформе как один из токенов, обеспеченный рублёвым резервом и подотчётный и российскому регулятору, и кооперативному сообществу.

Сценарии и проблемы использования цифровых эквивалентов в БРИКС

Чтобы сделать предложенную модель более осязаемой, рассмотрим простой пример цепочки взаимосвязанных сделок.

Предположим, что:

– российская компания экспортирует нефть в Индию,

– индийская компания экспортирует фармацевтическую продукцию в Бразилию,

– бразильская компания поставляет продовольствие в Россию.

В текущей системе возможны два типичных сценария.

1. Каждая сделка идёт через доллар.

Россия продаёт нефть за доллары, индийская компания покупает фармацевтику за доллары, бразильская платит за нефть в долларах, российский импортёр платит бразильской компании в долларах. Все участники несут валютные риски, зависят от стоимости финансирования в долларах и от доступности долларовой ликвидности.

2. Часть сделок идёт в национальных валютах, но с опорой на кросс-курсы к доллару.

Например, Россия и Индия рассчитываются в рублях и рупиях, но курсы берутся через USD или EUR, а валютный риск хеджируется через долларовые инструменты.

В модели цифровых эквивалентов возможен третий сценарий.

– Индийский импортёр нефти приобретает RUBIT за рупии через платформу, где рублёвая и рупиевая ликвидность сведена через биржевой механизм или двусторонний коридор.

– Российский экспортёр получает RUBIT и может либо конвертировать их обратно в рубли, либо использовать для оплаты поставок товаров и услуг из Индии, Бразилии или других стран, входящих в общую сеть.

– Когда бразильская компания поставляет продовольствие в Россию, российский импортёр оплачивает поставку RUBIT, а бразильская сторона конвертирует его в BRLIT или в местную валюту.

По итогам отчётного периода система СЭВ-ЦЭ сводит общую позицию по всем участникам: сколько RUBIT было выпущено, сколько перешло в другие эквиваленты, какова чистая позиция России, Индии, Бразилии и других членов. Вся цепочка расчётов проходит без обращения к доллару, при этом каждый участник остаётся в своей национальной валюте, а роль «посредника» выполняет не иностранный банк, а общая цифровая система клиринга.

Децентрализация управления в такой системе не только служит инструментом обеспечения безопасности, но и облегчает решение многих вопросов на политическом уровне. Если бы это был ещё один межгосударственный орган (в стиле МБЭС или центрального банка БРИКС), мы бы снова столкнулись с проблемой центра и периферии. Взаимное недоверие,

политические напряжения и асимметрия интересов могли бы заблокировать развитие системы на ранней стадии.

Кооперативный подход предлагает иной способ.

– На национальном уровне создаются общества, подобные МПК «РУБИТ», объединяющие банки, экспортёров, импортёров, инфраструктурные компании и, потенциально, граждан. Эти общества отвечают за выпуск и обслуживание эквивалентов на своей стороне.

– На наднациональном уровне формируется система, аналогичная СЭВ-ЦЭ, где каждое национальное кооперативное общество представлено как участник. Решения о правилах клиринга, параметрах обеспечения, санкционных списках и алгоритмах контроля принимаются коллективно.

Такая схема не отменяет роли государств и центральных банков. Напротив, она предполагает их участие как гарантов правопорядка и стабильности. Но при этом центр тяжести смещается в сторону реальных участников торговли и финансовых отношений, что соответствует логике открытого банкинга и цифровой экономики, в которой пользователи и организации хотят иметь больше влияния на правила игры.

Любая новая модель несёт в себе риски. В случае цифровых эквивалентов для БРИКС они очевидны.

– Юридические риски. Необходима гармонизация национальных законов в области валютного регулирования, противодействия отмыванию доходов, трансграничных переводов. Нельзя строить общую систему на «серых зонах», не договорившись о базовых принципах.

– Технологические риски. Цифровой клиринг требует устойчивой, безопасной и проверенной инфраструктуры. Ошибка в коде, уязвимость в протоколе или сбой в системе может иметь последствия для многих участников. Здесь опыт проектов mBridge и других multi- и CBDC-платформ важен как пример того, как поэтапно отрабатывать сценарии с реальной, но ограниченной ликвидностью.

– Геополитические риски. Даже если система создаётся как нейтральная и кооперативная, она не существует в вакууме. Любое новое решение в области межгосударственных расчётов будет восприниматься через призму геополитики и отношений с существующими центрами финансовой силы.

– Риски фрагментации. Есть опасность, что параллельные инициативы (например, собственные проекты цифровых валют, региональные клиринговые соглашения, внутренние платёжные системы) будут конкурировать между собой, вместо того чтобы складываться в единую сеть.

Однако эти риски не являются аргументом против самой идеи цифровых эквивалентов. Скорее они указывают на необходимость аккуратного поэтапного внедрения, пилотных проектов, прозрачного диалога с регуляторами и международными организациями.

Для теории денег модель цифровых эквивалентов, подобная RUBIT, открывает несколько важных направлений.

Во-первых, она показывает, что деньги могут существовать в форме множества связанных эквивалентов, а не только в виде одной центральной единицы. Это приближает нас к представлению о деньгах как о сети взаимных записей, где каждая ветка связана с конкретным контекстом (национальным, отраслевым, проектным).

Во-вторых, она иллюстрирует идею доверительной памяти на международном уровне. Если каждый эквивалент – это запись, в которой зафиксировано происхождение стоимости, условия использования и источник обеспечения, то клиринг между странами превращается в операцию над записями, а не над анонимными потоками.

В-третьих, модель RUBIT и подобные ей системы показывают, как открытый банкинг может выйти за пределы национальных границ. Если в классическом понимании открытый банкинг рассматривается только как инструмент доступа к счетам внутри одной юрисдикции, то здесь речь идёт о доступе к эквивалентам, которые живут в «ничейном» цифровом пространстве, но опираются на реальную ликвидность в национальных банковских системах.

Заключение

Страны БРИКС оказались в положении, когда их экономический вес в мировой торговле уже давно не соответствует их роли в мировой денежной системе. Доля блока в мировом ВВП и торговле растёт, но ключевой механизм расчётов по-прежнему завязан на доллар. Идея создать «валюту БРИКС» выглядит привлекательной как политический символ, но с практической точки зрения несёт в себе множество рисков и требует уровня политической интеграции, к которому объединение пока не готово.

В этой ситуации цифровые эквиваленты национальных валют представляются более реалистичным и технологически зрелым решением. Они позволяют странам БРИКС шаг за шагом выстраивать новую систему клиринга, не ломая существующую инфраструктуру, но и не будучи заложниками одной иностранной валюты.

Модель RUBIT, опирающаяся на кооперативную субъектность, рублёвое обеспечение, публичную проверяемость баланса и связь с российским правом, – это не завершённое решение, а прототип, который можно адаптировать и развивать. Встроенная в наднациональные клиринговые сети типа СЭВ-ЦЭ или будущих платформ BRICS Bridge, она может стать одним из кирпичей в формирующейся многополярной системе платежей.

Для финансовой науки и практики межстранового взаимодействия эта модель важна не только как частный кейс, но и как пример более общего принципа: вместо того чтобы спорить о том, какая валюта станет «новым долларом», стоит сосредоточиться на том, как мы описываем, храним и сверяем доверие между экономиками. Цифровые эквиваленты в этом смысле есть практический инструмент реализации идеи о деньгах как о доверительной памяти, но уже не только внутри одного государства, а на уровне крупных региональных объединений.

Список источников:

1. Bertaut C., von Beschwitz B., Curcuru S. The International Role of the U.S. Dollar – 2025 Edition // FEDS Notes. – 2025. – URL: https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/the-international-role-of-the-u-s-dollar-2025-edition-20250718.htm.

2. McGuire P. Triennial Central Bank Survey of foreign exchange and Over-the-counter (OTC) derivatives markets in 2022 // Bank for International Settlements. – 2022. – URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm.

3. Triennial Central Bank Survey OTC foreign exchange turnover in April 2025 // Bank for International Settlements. – 2025. – URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx25_fx.pdf.

4. Кузнецов А. В. Дедолларизация международных расчетов: тенденции и перспективы // ЭКО. – 2024. – № 3(597). – С. 8-32. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-8-32. – EDN FWXNFD.

5. Fliagin D., Abdulganiyu M. Impact of intra-BRICS trade on the share of United States dollar in international reserve composition // BRICS Journal of Economics. – 2025. – Vol. 6, No. 2. – P. 5-20. – DOI 10.3897/brics-econ.6.e143810. – EDN KOJGTK.

6. Prokhorov R. Enhancing Cross-Border Settlement Mechanisms Among BRICS Member States // BRICS Expert Council – Russia. – 2025. – URL: https://bricscouncil.ru/en/analytics/sovershenstvovanie-mekhanizmov-transgranichnykh-raschetov-mezhdu-stranami-chlenami-briks.

7. Keynes J. M. Proposals for an International Currency Union (Second Draft, November 18, 1941) // The Collected Writings of John Maynard Keynes. – Vol. XXV. Activities 1940-1944. Shaping the Post-war World: the Clearing Union. – London: MacMillan, 1980. – URL: http://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368keynesoncutable.pdf.

8. Eichengreen B. J. Globalizing Capital: A History of the International Monetary System. – Princeton University Press, 1998. – 227 p.

9. Гонта С. Н., Поташова И. Ю. История МБЭС и переводного рубля в контексте современной экономической реальности России // Управленческий учет. – 2022. – № 12-3. – С. 772-777. – DOI 10.25806/uu12-32022772-777. – EDN YCLTLD.

10. Кузнецов А. В. Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений // Вопросы политической экономии. – 2023. – № 2. – С. 102-114. – DOI

10.5281/zenodo.7987853. – EDN ZTESGA.

11. Молчанов А. В., Смирнов Ф. А. Формирование валюты БРИКС - проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 155-174. – DOI 10.18334/ecsec.7.1.120210. – EDN EPMAQW.

12. Пилипенко И. В., Скородумов С. М. Возможности использования клиринга для расчетов с торговыми партнерами Российской Федерации и странами Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2(82). – С. 105-114. – EDN QGRCJM.

13. Усманова К. Н. Российский опыт построения платежных систем: от переводного рубля к расчетам в национальных валютах стран СНГ и ЕАЭС // Финансовый бизнес. – 2021. – № 7(217). – С. 105-108. – EDN JUYSAW.

14. Central Bank Digital Currencies: Motives, Economic Implications, and the Research Frontier / Auer R., Frost J., Gambacorta L. и др. // Annual Review of Economics. – 2022. – Vol. 14, No. 1. – P. 697-721. – DOI 10.1146/annurev-economics-051420-020324. – EDN UNTEEK.

15. Digital Ruble: Current Status // Central Bank of the Russian Federation. – 2025. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/180336/digital_ruble_30062025_en.pdf.

16. Fung B. S. C., Halaburda H. Central Bank Digital Currencies: A Framework for Assessing Why and How // Bank of Canada Staff Discussion Paper. – 2016. – No. 22. – URL: https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2016/11/sdp2016-22.pdf. – DOI 10.2139/ssrn.2994052.

17. The technology of decentralized finance (DeFi) / Auer R., Haslhofer B., Kitzler S. и др. // Digital Finance. – 2023. – DOI 10.1007/s42521-023-00088-8. – EDN FMPJKW.

Статья поступила в редакцию / Received: 21.11.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 18.03.2026
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2026